

К тому моменту ветродуй уже умолк, и вокруг слышались лишь голоса съёмочной группы — ненавязчиво, без суеты.

Впрочем, даже в самом оглушительном шуме Линь Цзичу, наверное, всё равно отгородился бы от мира — так, будто вся вселенная вдруг притихла, а в ней остался лишь один-единственный человек: Шэнь Цихань.

Линь Цзичу видел, как тот наконец выдохнул — получив его ответ, скинул с плеч тревогу и одарил его лёгкой улыбкой. Только вот уходить не торопился. Взгляд по-прежнему был прикован к нему — неподвижный, будто приклеенный.

Уже начиная ощущать некоторую растерянность от этого пристального взгляда, Линь Цзичу вдруг услышал усиленный рацией голос Режиссёра Ли — тот долетел откуда-то сбоку:

— Сяо Линь, не пострадал?

Для Линь Цзичу этот голос оказался настоящей спасительной соломинкой. Он ухватился за неё обеими руками — помахал в сторону режиссёра и крикнул:

— Режиссёр Ли, всё в порядке!

— Ну и хорошо. Тогда продолжаем — стой там, не двигайся.

— Хорошо.

— Цихань, ты что там встал?! Быстро на место! — В тот же миг Режиссёр Ли заметил Шэнь Циханя, всё ещё торчащего посреди площадки, и немедленно его окликнул.

Шэнь Цихань послушно двинулся прочь. Но на повороте всё же задержался — бросил на Линь Цзичу долгий, неохотный взгляд.

Жаль только, что в ту же самую секунду тот успел отвести глаза. Их взгляды разминулись.

Следующий час ветродуй снова ревел всюду: Сюй Хай и Шэнь Цихань по очереди разыгрывали сцену, в которой ураган сметал их прочь. У Сюй Хая, игравшего Хэ Чанъяня, всё прошло без особых приключений. Зато Шэнь Цихань — Чу Цяньфань — ненароком угодил прямо в дерево, и Ло Цинфань, не обращая внимания на вихрь, бросился к нему проверить, всё ли цело.

Только на эту сцену до начала официальных съёмок ушло ни много ни мало восемь репетиций. К последней из них голова у Линь Цзичу уже шла кругом. Сдерживая подступающую тошноту, он начал девятый дубль — первый официальный.

В девятый раз страховочный трос унёс его назад на несколько метров, в воздухе он перевернулся кубарем и тяжело рухнул на мат.

Мат — не твёрдый пол, мягкий, даже по-своему удобный. Но снова и снова падать с высоты — это не то занятие, которое назовёшь приятным.

К счастью, официальные съёмки обошлись всего двумя дублями-NG. К третьему движению Линь Цзичу отточились до автоматизма.

Когда Режиссёр Ли скомандовал «Стоп!», Линь Цзичу невольно выдохнул с облегчением. Встать, однако, не спешил: приподнял голову и посмотрел туда, где работали Шэнь Цихань и Сюй Хай.

Те продолжали съёмку — и тоже без особых затруднений. Вся предварительная работа не пропала даром.

Впрочем, дальний план был лишь половиной дела: крупный ещё предстояло отснять, а значит, каждому снова предстояло падать с высоты.

После десяти минут перерыва Линь Цзичу счёл, что более или менее пришёл в себя. Грудь ещё немного давило, виски ломило — но всё это он относил к мелочам жизни.

Дублей на тросе за сегодня было уже не счесть — и на этот раз что-то пошло не так: вращение вышло кривым, ноги намотало на страховку, верхняя половина тела накренилась и опрокинулась вниз.

Когда его опустили, съёмочная группа сразу же подбежала на помощь — путы распутали быстро.

Линь Цзичу поднялся, опираясь на чужие руки, выровнялся и взглянул на режиссёра:

— Режиссёр, простите. Давайте ещё раз.

— Ничего страшного, главное — цел. Всем отделам приготовиться, начинаем снова. — Режиссёр Ли приподнялся из-за монитора и показал ему большой палец.

Второй дубль. Третий. Четвёртый...

На шестом наконец сняли крупный план.

Это было его последнее падение — жёсткое, как и все предыдущие. В ушах зазвенело. Руки и

ноги сделались ватными. Пришлось долго бороться с собой, прежде чем удалось кое-как подняться.

И тут же накатило головокружение — резкое, как удар. Линь Цзичу едва устоял на ногах.

В этот момент его подхватили чьи-то крепкие ладони.

Ожидаемой свежей мяты не было. Вместо неё — лёгкий древесный аромат, приятный, но не тот, которого он ждал.

Взгляд упал на тёмно-зелёный рукав, и тут же донеслось участливое:

— Всё в порядке, Сяо Линь?

— Всё нормально. — Линь Цзичу аккуратно высвободил руку из ладоней Сюй Хая и вежливо поблагодарил.

Почувствовав это едва уловимое сопротивление, Сюй Хай не стал настаивать. Молча пошёл рядом, провожая его до навеса.

Ноги всё ещё подкашивались. По правде говоря, в эту минуту Линь Цзичу не отказался бы, если бы кто-нибудь поддержал его — хоть немного, хоть самую малость.

Но когда он поднял взгляд вперёд, то увидел лишь неподвижную фигуру Шэнь Циханя, сидящего поодаль без каких-либо признаков жизни. А ведь во время первого дальнего плана тот так за него переживал — как же его теперь словно подменили...

В следующую секунду Линь Цзичу оборвал и взгляд, и мысль. Мысленно одёрнул себя: что ты, собственно, ждёшь? Деградируешь с возрастом, что ли? Снова как раньше.

Забота — жест доброй воли, а не обязанность. Тем более — между ними.

Когда Линь Цзичу опустился на своё кресло, Шэнь Цихань, сидевший рядом, наконец подал признаки жизни — наклонился и спросил, всё ли в порядке. Будто ждал именно этого момента: пока тот не сядет, никакого повода и нет.

Линь Цзичу покачал головой и промолчал.

Голова до сих пор гудела и ныла — но он не мог, как прежде, капризно пожаловаться Шэнь Цихань, что плохо себя чувствует. Те времена прошли.

Помимо этих кадров, оставалось ещё несколько сцен, где персонажей снова и снова швырял ветер, — и снова по несколько дублей. В конце концов Чу Цяньфань одной рукой обхватывал ствол дерева, другой удерживал Ло Цинфаня, а Хэ Чанъянь цеплялся за него сзади. Все трое висели так, стиснув зубы, долгие минуты, пока буря не начала утихать.

Сцена давалась непросто: трое актёров буквально висели в воздухе на тросах с обеих сторон. До реальной выносливости из сценария им, конечно, было далеко — и всё же несколько минут пришлось провисеть по-настоящему.

На этот эпизод ушло лишь три дубля-NG. Четвёртый вышел безупречно.

На ветряную сцену в целом потратили немало времени — только к половине девятого вечера троица закончила съёмки эпизода с бурей. У каждого к тому моменту прибавилось новых царапин и ушибов.

На сегодня — всё. Завтра продолжение: поиск меча в долине.

Отсняв своё, Линь Цзичу превозмог недомогание и принялся собирать вещи. Подхватил парусиновую сумку и направился к выходу.

Сюй Хай снова предложил подвезти его до отеля — и снова получил отказ.

Линь Цзичу деликатно, но прямо объяснил: Сюй Хай уже один раз его подвозил, и постоянно пользоваться его добротой было бы неловко. Да и вообще — впредь он не станет садиться в его машину. Сюй Хай настаивать не стал, закрыл дверцу и велел водителю трогать.

За последние два года, пока Линь Цзичу переходил из одной съёмочной группы в другую, Сюй Хай оставался единственным коллегой, кто вызывался подвозить его до отеля. Линь Цзичу был ему искренне благодарен — но неловкость брала своё: они всё же не настолько близкие люди.

С того момента, как машина Сюй Хая остановилась чуть впереди, взгляд Шэнь Циханя то и дело соскальзывал в ту сторону.

Смотрел он, разумеется, не на Сюй Хая. Только на Линь Цзичу — и ни на кого больше. С каждой секундой внутри нарастала тревога: как бы тот не сел в чужую машину.

Сам себе он в этом честно признавался: за два года так ничего и не изменилось. Всё тот же ревнивый, несносный плохой мальчишка.

Наконец собрав вещи, Шэнь Цихань сунул Сяо Ди в руки чёрный рюкзак — сценарий, термос и прочее необходимое — и коротко бросил:

— Сяо Ди, езжай сам. Я прогуляюсь, заодно поищу что-нибудь поесть.

— А я, Хань-гэ? — Сяо Ди кивнул на себя. — Что мне на ужин? Может, пойдём вместе?

— Не нужно. — Ответ был отрезан без тени колебаний. — Разберёшься сам. Только не иди за мной.

Сяо Ди знал, что шеф привык к одиночеству, — но что-то сегодня было не так. Взгляд Шэнь Циханя то и дело украдкой соскальзывал куда-то в сторону, и это не укрылось от помощника.

Просто смотрит? Или смотрит на Сяо Линь-гэ?

— Хань-гэ, ты, случайно, не...

— Что?

Шэнь Цихань спросил вскользь, будто не слушая, и снова повернул голову в сторону Линь Цзичу. Машина Сюй Хая уже уехала — когда именно, он и не заметил. Линь Цзичу шёл по дороге один.

По обе стороны зажглись фонари. Сквозь ветки деревьев падали пятнистые тени. Линь Цзичу шагал медленно, одиноко — его силуэт таял в мешанине ночи и рассеянного света, всё дальше, всё неотчётливее.

В груди у Шэнь Циханя что-то сжалось — резко, почти болезненно. Захотелось броситься следом и обнять его сзади — крепко, по-настоящему.

— Ладно, ничего, — выдавил Сяо Ди, лизнув губы. Слова были уже на кончике языка, но он проглотил их обратно. — Гуляй, Хань-гэ. Я пойду закажу доставку.

— Угу.

Шэнь Цихань ответил рассеянно — и явно не понял, что именно ему сказали. Скорее всего, не слышал вовсе.

В следующую секунду он уже шагал вперёд. Нагнав одинокую фигуру на удобное расстояние, сбавил шаг и двинулся следом — не слишком близко, не слишком далеко.

По направлению, которое выбрал Линь Цзичу, выходило, что тот идёт в отель, а не на ужин. Шэнь Цихань не стал об этом думать — куда тот, туда и он.

Сегодня днём он смотрел, как Линь Цзичу снова и снова падает на мат. И знал — тот почти не работал со страховкой прежде. От этого сердце сжималось.

Но он струсил. Когда Сюй Хай опередил его и первым подошёл к Линь Цзичу, Шэнь Цихань так и остался стоять. Только ревность внутри разгоралась всё ярче — тихая, злая, не находящая выхода.

<http://bllate.org/book/18328/1815411>